

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Преимущество католицизма перед греческим исповеданием

Баранов Олег Михайлович

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: philstudmsu@rambler.ru

Общеизвестные догматические расхождения католицизма и православия представляются мне малоинтересными и довольно поверхностными, ровным счетом ни чего не раскрывающие в данной проблематике. Сущностные противоречия более латентны и требовательны к методологии, в частности, наиболее продуктивным будет использование не одного метода, а их систем, что вряд ли возможно в условиях данной статьи. Я затрону ту часть, которую считаю наиболее значимой в ответе на вынесенный в заглавие вопрос, который уже дает некоторые начертания моего подхода, ровно также С.Н. Карамзина (дочь историка Н.М. Карамзина от первого брака) озаглавила первое философическое письмо П. Чаадаева. Тот тон заданный “басманским философом” это одна из первых попыток не ангажированного взгляда на религиозную проблематику того времени. Начав рассуждение с культурных посылок, был задан верный вектор рассуждения, но Чаадаев наметил лишь каркас с минимальными идейными разветвлениями. И даже так, ни один из многочисленных оппонентов вразумительно опровергнуть его основной тезис о преимуществе католичества (не в узком религиозном смысле, что показало бы некоторую ограниченность автора, но в широком философском смысле) так и не смог. Например, П.А. Вяземский дальнейшее навешивания первому философическому письму ярлыка “*ультрамонтанской энциклике пущенной из Басманного Ватикана*” никуда не идет. Всепокорнейший слуга Филипп Вигель (Действительный статский советник, управляющий департаментом духовных дел иностранных исповеданий) в письме к милостивейшему архипастырю ничего кроме общих фраз вроде: “*достижений просветления, которого мы достигли, сию верую во дни младенчества и утешений находимых там же где и просветления*” не писал [1]. А.С. Пушкин хотя и клянется, что ни за что на свете не хотел бы переменить свое отечество, но идет, в ответном письме, путем перечисления наиболее значимых исторических событий, а этот путь не совсем тут уместен. Конечно, когда вопиет о защите сама святая и соборная апостольская церковь, философские обоснования отходят на второй план и Чаадаева переубедили, но административно, а не идейно.

Наиболее значимым продолжателем критического подхода к православию с культурной стороны, по моему мнению, является Г. Шпет. Характеризуя периоды Киевский и Московский и ссылаясь при этом на проф. Голубинского и историка Иконникова, делается печальный вывод: “*дикий восток неудержимо отстает от просвещенного запада*» [4] Г. Шпет указывает и те обстоятельства, которые привели к такому положению дел, то чем многие восторгаются и превозносят, оказывается непосильным балластом, – это язык и религия. Развивая тезис о византийском наследии, суть которого состоит в том, что действительные, наследственные сокровища перешли на запад, а мы получили собственного производства суррогаты, придуманные в эпоху ее морального и интеллектуального вырождения, картина культурных противоречий начинает приобре-

тать весьма отчетливый вид. Приняв христианство, мы усвоили морализм и внешнею пышность обрядов, но оставили всю античную культурную традицию и именно тут посеяно зерно последующей схизмы. Этот культурный разрыв получает свое усиление в языке. *Солунские братья* сыграли роковую роль, отделив нас от греческой и римской цивилизаций. Запад принял христианство на языке античном и сохранил его надолго, что могло возникнуть у нас, а вернее, что мог нам дать болгарский язык, язык без истории и традиций. Тут надо внести некоторые добавления. Мечковская Н.Б. в работе «*Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий*» перечисляет пророческие (они же апостольские или пророческие) языки, куда помимо ведийского языка (у индусских народностей), вэньянь (у китайцев, японцев, корейцев), ныне мертвого авестийского языка (зороастризм), арабского языка (у мусульман), греческого и латинского (апостольские языки христианских народов Европы) вошел и *церковнославянский* или старославянский язык. Между названиями, действительно, нет никакой разницы, ввиду того, что наш язык изначально создавался с одной целью - использования его в литургии. Таким образом, наш язык оказался в ряду апостольских языков, но с одним существенным отличием, у него, как уже было сказано выше, отсутствовала традиция, без которой, как замечает Г.Шпет: «*Русская мысль, оторвавшись от источника, беспомощно барахталась в буквенных сетях болгарского перевода*» [4]. Таким образом, Европе достались, по сути, первоисточники, (конечно и Европа получила часть переводов, но сделаны они были языками, обладающими некоторой литературной техникой и терминологическим запасом), а нам переводы сомнительной аутентичности. Можно утверждать, что построив, таким образом, догматический заслон мы прониклись апатией к развитию каких либо мыслей, видя во всем «*обычайи треклятыя еллинов*». Итогом стало возникновение нашей самобытности, выраженной, прежде всего, в яростном неприятии запада. И религия тут не одинока, наша догма перекрыла путь и науке. А то, что бывает, когда не культура создает условия религии а наоборот можно увидеть из речи старца Елизарова монастыря : «*Аз -сельский человек, учился буквам, а елленских борзостей не текох, а риторских астроном не читал, ни с мудрыми философы в беседе не бывал , - учуся книгам благодатного закона , аще бы мощно моя грешная душа очистити от греха* “. [4] И это образованный человек своего время! *Невежество* – какая-то историческая константа в развитии русского творчества и Шпет на протяжении всего *Очерка* в той или иной форме затрагивает эту тему. Отсутствие школ и библиотек, резко отрицательное отношение ко всему латинскому без разбору, ему понятна опаска верхов, но не понятна аморфность низов. Просвещение - процесс, который должен идти снизу, общество из своих потребностей должно дойти до школ и академий, но у нас ситуация прямо противоположная, привозные учреждения, чужой язык и как результат философствование вместо философии. Именно в этом, как мне видится, и есть тот недостаток православия, позволяет Г. Шпету наполнить католицизм более ценностным содержанием.

Литература

1. Мечковская Н.Б. *Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий*: Агентство «Фаир»; 1998
2. Судьин Г.Г. А.С. Пушкин как оппонент Чаадаева // Вестник Моск. ун-та, Сер. 7. Философия. 1999. . 5.

Конференция «Ломоносов 2012»

3. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2т. Т.1. М., 1991
4. Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989